

Андреева И. В.

КОНЦЕПТЫ «СВОБОДА», «СПРАВЕДЛИВОСТЬ», «ЗАКОН», «РОДИНА» В КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ

Осмысление культурных различий позволяет увидеть взаимосвязанные смысловые линии в чужой культуре и соответственно лучше понять такие линии в культуре собственной. Каждый из концептов задает своеобразную программу смыслов, регулирующих поведение людей. Переход в область межкультурной коммуникации должен быть сопряжен с принятием культурных аксиом, свойственных иному миропониманию. «Попытка понять иной склад мышления всегда требует напряжения и готовности столкнуться с непривычными и на первый взгляд ненормальными установками другого человека» [4, с. 335].

В связи с переходом России к рыночной экономике в обществе наблюдаются процессы переоценки ценностей, их трансформации и идеологической переориентации.

Совершенно очевидно, что традиционные русские ценности, заложенные в генотипе и менталитете народа, плохо согласуются с новыми «рыночными» ценностями, навязываемыми России мировым сообществом, ориентированным на Западный, а точнее, на американский стиль жизни, провозглашаемый «общечеловеческим».

В процессе сравнения выяснилось, что ценности американской культуры структурированы, прописаны, известны и постулируются для всего мира. Русские же ценности находятся в ситуации переходности, что и заставляет пристально вглядываться в своеобразие диалога двух культур на современном этапе.

Для анализа мы выбрали концепты, которые объясняют, как согласуются и как распределяются представления о социуме и о национальных ценностях в обеих культурах.

В эпоху перестройки ключевым концептом, который определяет общественные, идеологические, экономические отношения в российском обществе стала *свобода*.

По данным аналитиков, большинство россиян считает, что «свобода – это важнейшая смыслообразующая ценность, без которой трудно себе представить полноценную жизнь». В период социологического опроса (1998–2004) предлагался выбор между двумя альтернативными суждениями:

- 1) «Свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл»;
- 2) «Главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна».

На протяжении 6 лет россияне с почти двойным перевесом выбирают первый тезис: 70,2% респондентов в возрасте 16-25 лет, 60,1% - 39-45 лет, 57,5% - 56-65 лет. Как видим, во всех возрастных категориях свобода остается ведущей ценностью [2, с.5].

Кроме того, концепт «свобода» связан в русской ментальности с образами стихии (ветер, буря, бушующее море), с бескрайними просторами, с ощущением счастья, вызываемого отсутствием какого-то давления (*дышать свободно*). В этой связи совсем не случайно А. Вежбицкая считает, что русский концепт «свобода» предполагает отсутствие ограничений какого-либо рода [1, с. 460].

С понятием «свобода» многие исследователи связывают русский правовой нигилизм, антилегаллизм, пренебрежение к закону. В этой связи возникает вопрос, как согласовать вопрос о свободе (без границ) и о законе (который имеет свойство ограничивать). Обратимся к русской литературе. Вспомним хрестоматийный пример из чеховского «Хамелеона», в котором вина собачки, покусавшей мастерового зависит только от того, кому она принадлежит, или персонажа А. Н. Островского из пьесы «Горячее сердце» городничего Градобоева: «Ежели судить вас по законам, то законов у нас много. И законы все строгие; в одной книге строги, а в другой еще строже, а в последней уж самые строгие <...> Так что, друзья любезные, как хотите: судить ли мне вас по законам или по душе, как мне Бог на сердце положит». Подобные иллюстрации из русской литературы можно продолжать и множить.

Оба примера показывают сформировавшееся в русском ментальном сознании отношение к закону. В этой связи справедливо мнение А. П. Прохорова, который отмечает, что «ключевым элементом русской модели является существование двух режимов управления, двух стереотипов поведения <...> в обществе в целом: нестабильного режима (аварийного, мобилизационного) и стабильного режима (застойного), – и нельзя не прийти к выводу, что законодательство не рассчитано на такую двойственность. Правовой подход предполагает, что каждое действие требует однозначной оценки со стороны закона, с точки зрения универсальных правил поведения [5, с.107-108]. В России одно и то же действие может быть рассмотрено как правовое и как незаконное в зависимости от обстоятельств.

По всей видимости, все это является причиной того, что русское законодательство и в настоящее время вынуждено приспосабливаться к своему подчиненному положению, что в России «весь народ от конюха до монарха, от вахтера до генерального секретаря един в своем стремлении не соблюдать закон и уклоняться от его исполнения всеми возможными способами» [там же].

Исследователю вторит В. А. Пьецух, говоря о том, что «на державные законы у нас плюют абсолютно все, даже сами законодатели, даже они первые и плюют» [6, с. 187]. Ту же мысль выражает и профессор ярославского пединститута В. И. Жельвис, который отмечает, что русские «воспринимают закон, как телеграфный столб: его нельзя перепрыгнуть, но можно обойти. Первая мысль русского после введения нового закона:

как его обойти. Не имеет ни малейшего значения, о чем этот закон, потому что законы в принципе не могут быть полезными для рядового гражданина. <...> Так что если ни в коем случае нельзя, но очень хочется, то можно» [3, с. 48].

В России ключевой ценностью является не закон, а справедливость. Само слово «справедливость» не имеет точных переводных эквивалентов в западных языках. Ему соответствуют понятия, подчеркивающие скорее «законность», «честность» или «правоту». Справедливость в русской культуре воспринимается не только рационально, но и эмоционально. Известный лингвист А. Д. Шмелев отмечает, что «в русской культуре существует особое чувство – *любовь к справедливости* или *страсть к справедливости*» [8, с. 202]. А. И. Солженицын в книге «Россия в обвале» обращает внимание на то, что «веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам всегда было отношение недоверчивое, ироническое: да разве можно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь все они непохожи друг на друга. Тут – и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и еще сегодня не умерла – тяга к живой справедливости».

Таким образом, в глазах русских закон всегда скомпрометирован и поэтому для русских справедливость ставится выше закона. В этой связи становится понятной пословица «Закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло». Как известно, именно пословицы выражают общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт в виде иносказания и отражают исторически сложившуюся ментальность каждого народа. Россияне относятся к законам без уважения, игнорируют их, особенно если считают их или неразумными, или ущемляющими их свободу.

Обратимся к пониманию этих же концептов в американской культуре. Семантика слова «freedom» соответствует идеалу «ненавязывания», который представляет собою одну из главных тем в американской культуре. Как указывает А. Вежбицкая: «Ключевой англо-саксонский идеал – это не возможность делать все, что захочешь, поскольку высшая цель личных прав индивида связывается в данной культуре с общим признанием личных прав других людей: “Может быть, я не могу делать то, что я хочу, но, по крайней мере, никто другой не помешает мне делать то, что я хочу и на что имею право”» [1, с. 444]. В этой связи, с ее точки зрения, решающим является мнение, что относящееся к одному индивиду, относится и ко всем прочим: свобода (*freedom*) является не привилегией, а универсальным правом. Таким образом, в американской культуре концепт «freedom» связан с личными правами индивида, личным пространством, с «приватностью» («privacy») и личной независимостью.

Несмотря на то, что каждый американец уверен в собственной свободе, степень контроля государства за жизнью частного лица, возможная в сегодняшней демократической и насквозь компьютеризированной Америке, очень высока. После событий 11 сентября 2001 года «вся система координат в столь важной для Америки сфере, как демократические свободы и право на частную жизнь, исказилась неузнаваемо» (7, с. 117). Очередная волна усиления контроля за гражданами в США наблюдается с августа 2006 года, после предотвращения британскими спецслужбами террористических актов в Лондоне. Даже привычных ко всему российских туристов шокирует ситуация в аэропортах, когда досматриваются все личные вещи каждого пассажира, а то, что внушает малейшие подозрения на опасность, в буквальном смысле слова, взламывается и приводится в негодность (напр., карманный калькулятор). При этом сами пассажиры подвергаются досмотру-обыску, напоминающему сцены из американских фильмов о задержании преступников.

Американские политики громогласно утверждают, что вынуждены временно ограничить демократические свободы ради охраны самих граждан, но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. По российским меркам, каждый американский гражданин находится под большим контролем, нежели россиянин у себя на родине. При этом многие американцы продолжают себя ощущать свободными гражданами свободной страны. Это не что иное, как самообман. Всеобщая компьютеризация позволяет даже неспециалисту многое узнать о человеке, а если за дело возьмется специалист, то не так уж много тайн у этого человека останется.

Американцев беспокоит происходящее, они открыто обсуждают все возрастающий контроль государства за частной жизнью граждан, но оправдывают это соображениями безопасности.

Для государственных структур нарушение *Privacy* не является проблемой, но для рядовых американцев в повседневном общении корректное отношение к частной жизни абсолютно обязательно. За разглашение личной информации можно легко оказаться на скамье подсудимых, еще легче потерять работу. Таким образом, в отношении к *Privacy* Америка наглядно демонстрирует двойной стандарт: декларирование чего-то одного и реальную демонстрацию чего-то совершенно иного. *Privacy* считается одной из основополагающих национальных ценностей. Являясь важной составляющей американского менталитета, *Privacy* ощущается представителями этой культуры как что-то незыблемое и вечное, несмотря на меняющийся мир и увеличение контроля государства за жизнью каждого гражданина.

Русские, посещая Америку, бывают поражены теми нормами и правилами, которые кажутся американцам разумными. Так, запрет на

продажу алкогольных напитков в воскресенье в некоторых штатах («Мы не можем продать вам пиво, в это время вы должны быть в церкви») вызывает удивление и недоумение русских: зная об этом запрете, люди могут купить алкоголь заранее. Шокируют их многочисленные надписи: «частная территория», штрафы за превышение скорости в безлюдном месте. Все это для русских выглядит посягательством на личную свободу.

Необходимо подчеркнуть, что американцы относятся к правилам, к закону как к механизму, обеспечивающему их свободу. Закон в их глазах становится гарантом обеспечения их прав и свобод, и он неукоснительно соблюдается. Любопытно и то, что для них свобода и закон осуществляются в понятиях «государство» и «демократия». С их точки зрения, закон всегда отстаивает право, лишен амбивалентности, не предполагает ошибочности: *Dura lex, sad lex* (лат. Закон суров, но это закон). Для американцев понятия государство и право синонимичны.

Волонтерам Корпуса мира США трудно было понять, почему для русских разделяются понятия «государство» и «родина». Они увидели, что русские, не испытывающие к государству теплых чувств, любят Родину и готовы отдать за нее жизнь. В процессе межкультурных отношений волонтеры усвоили особенность концепта «родина», эмоционального к нему отношения. Вот уже более 10 лет, американцы, работавшие на Дальнем Востоке России в течение 2-х лет, сами используют слово «родина» по отношению к России: «Как дела на Родине?», «Посмотрите, что пишут о Родине!», «Еду на Родину!», «Есть новости с Родины», «Кто сейчас на Родине?». Такие фразы естественны и типичны для волонтерского сайта. Америку называть идентичным словом «motherland» / «родина» у американцев не принято. Понятия «родина» и «государство» в американской культурной среде идентичны.

Для выяснения типичных образов и ситуаций, связанных с этим феноменом, мы обратились к представителям американской культуры с просьбой объяснить причины частого употребления слова «родина», по отношению к стране, гражданами которой они не являются. Ответы превзошли все наши ожидания. Следует еще раз отметить, что это ответы людей, которые жили и работали в нашей стране в течение двух лет, преподавали английский язык в дальневосточных школах.

Наиболее интересные рассуждения мы приводим полностью.

In any event, when I use the word "Rodina," at least, I use it sort of admiringly. I, at least, don't feel quite the same sense of connection -- the same sort of familial relationship -- to this country that so many Russians feel to theirs. The sense of belonging that is reflected in the word is something I don't have (I can't speak for others, obviously), and I marvel at it and find myself slightly envious) of it.

Of course, sometimes I use the word as shorthand for Russia when talking to people who speak the language, especially if I want its familiar, warm

overtones (подтекст). But I'm aware that it's not, ultimately, my word, and that I'm not fully entitled to its real meaning and ramifications.

Во многих обстоятельствах, когда я использую слово «Родина», я выражаю в какой-то степени восхищение. Я, по крайней мере, не испытываю подобную связь, родство, сопричастность по отношению к своей стране, какое многие русские испытывают к своей. Чувство сопричастности, отраженное в этом слове, это что-то такое, чего нет у меня (я не могу говорить о других), и я с удивлением ощущаю некоторую зависть к этому.

Конечно, иногда я использую это слово для краткости, называя так Россию, общаясь с людьми, говорящими по-русски, чтобы добиться ответной теплоты с их стороны. Но на самом деле, я знаю, что это мое слово, хотя я не имею в полной мере права претендовать на использование этого слова в его реальном значении.

Следующее объяснение причины частого употребления слова «родина» связано с попытками найти эквивалент этому слову в родном языке.

In English, one could say "motherland" or "fatherland," but we rarely use these words, and they don't sound natural to me. Maybe "homeland" is a better term, but maybe not. I'm not sure we have a good equivalent to "rodina," which is one reason why using that term to refer to Russia is so appealing to us. Secondly, I think many of us really felt adopted by Russia in many ways. We want to honor that by referring to Russia as our rodina even though we may have been born in the US. At least, I often feel this way.

По-английски мы можем сказать "motherland" или "fatherland," но мы редко используем эти слова, они не звучат естественно для меня. Может быть, понятие "homeland" лучше подходит для определение понятия слова «родина», а, может быть, и нет. Я не уверена, что у нас есть подходящий эквивалент слову «родина», вот одна из причин, по которой мы используем это понятие, называя так Россию. Второй причиной является то, что, я думаю, многие из нас чувствуют себя усыновленными Россией в той или иной степени. Мы хотим выразить уважение России, называя ее своей Родиной, несмотря на то, что мы рождены в Америке. По крайней мере, я так чувствую.

Таким образом, американцы, сумевшие адаптироваться в русской культурной среде, вернувшись в США, называют Россию Родиной, потому что не находят полного эквивалента слову «родина» в родном языке и ощущают особость понятия «Родина» и для русских и для себя тоже. Они чувствуют себя сопричастными, не оторванными от России и русских, «усыновленными Родиной», хотя и рождены в другой стране. Они ощущают себя как «свои» не хотят быть чужими для страны, в которой

жили и работали в течение двух лет, где у них остались друзья, студенты, ученики.

Таким образом, сравнивая концепты «свобода», «справедливость», «закон» в русской и американской культурах мы отмечаем следующее:

- Концепт «свобода» важен для представителей обеих культур. Но в представлении русских обозначаемый денотат соотнесен с понятием «отсутствие ограничений». Американский концепт «свобода» / «freedom» основан на том, что, реализуя свои права, личность не может посягать на права других, и на строгом исполнении законов всеми членами общества. Познакомившись ближе с декларируемой Америкой свободой, россияне с удивлением обнаружили, что степень свободы, которой обладают представители Америки и европейского сообщества, далеко не так высока, как им представлялось ранее. Многие правила и нормы кажутся русским надуманными и неразумными. Русские рассматривают такую свободу как посягательство на личную внутреннюю свободу каждого индивида.
- В концептах «закон», «справедливость» сильнее, чем в каких-либо других, проявляются различия в способах концептуализации реальности. Для русских концепт «справедливость» более значим. Они – за верховенство справедливости, которая не всегда соответствует закону. В русском языковом сознании закон выступает, как предел, ограничитель свободы. Американцы проповедуют верховенство закона и равенство всех перед законом, закон является для них гарантом свободы и демократии.
- Нами выявлена особенность концепта «Родина» не только для русских, но и для людей иной культуры, сумевших понять и проникнуть в мир русских. Употребляя слово «родина» для обозначения «России», представители Америки чувствуют себя сопричастными, не оторванными от России и русских, «усыновленными Родиной», хотя и рождены в другой стране.

В процессе анализа мы пришли к выводу, что русская и американская культурная среда на современном этапе формируются в диалоге взаимодействия, взаимообогащения, взаимопонимания, которое усваивается в соответствии с культурными понятиями каждой страны. При этом следует отметить, что это процесс двусторонний. Не только в Россия испытывает влияние американского ценностного мира, но и Америка оказывается вовлеченной в процесс усвоения ценностей, важных для русской культуры.

Литература:

1. Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков/ Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
2. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? Аналитический доклад.– М.: Институт комплексных социальных исследований РАН, 2004
3. Жельвис В. И. Эти странные русские. – М.: Изд-во Эгмонт Россия ЛТД, серия Внимание: иностранцы! 2002. – 96 с.
4. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Грабарова. М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
5. Прохоров А. П. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал эксперт», 2002. – 376 с.
6. Пьецух В. А. // Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. – М.: Рус. яз. Курсы, 2003, с. 185 – 188.
7. Сардар З., Дэвис М. Почему люди ненавидят Америку? – М.: Проспект, 2003. – 240 с.
8. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Опубликовано: Вопросы культурологии, 2007.– № 4, с. 11-14